

Максим Горький

Бабушка Акулина

Максим Горький
Бабушка Акулина

«Public Domain»

1895

Горький М.

Бабушка Акулина / М. Горький — «Public Domain», 1895

«В осеннюю гололедицу, возвращаясь домой со сбора милостыни, бабушка Акулина поскользнулась, упала и сильно разбилась. Когда она барахталась на панели, пытаясь встать, её увидел знакомый полицейский, подошёл к ней и, думая, что она, по обыкновению, „выпимши“, стал ругаться...»

Бабушка Акулина

Набросок

В осеннюю гололедицу, возвращаясь домой со сбора милостыни, бабушка Акулина поскользнулась, упала и сильно разбилась. Когда она барахталась на панели, пытаясь встать, её увидел знакомый полицейский, подошёл к ней и, думая, что она, по обыкновению, «выпимши», стал ругаться.

– Ишь, старая чертовка, – говорил он, – опять наклюкалась! И скоро ли только ты издохнешь? Сколько из-за тебя я разного беспокойства принял! Ах ты...

Он смотрел на неё сурово, тон его голоса был зол и резок, но бабушку Акулину всё это не смущало. Она знала, что он добрый солдат, зря её не обидит, в часть не отправит – разве первый раз ему приходится поднимать её на улице!

Он никогда не отправляет её в «каталажку», а всегда домой, если же ругается, так это ничего, – нельзя же, в самом деле, не ругать человека, который причиняет беспокойство.

И, стараясь заглядить свою вину, она собрала все силы, желая подняться на ноги, но застонала, сморщилась и снова вытянулась на панели, охая и кряхтя.

– Старая швабра! – сказал полицейский и стал поднимать её.

– Никифорыч, голубчик, не тронь! Разбилась я, видно.

– Ну! Вставай! Разобьёшься ты... как же...

– Ми-иный ты мой, Никифорыч, ноженьку можжит... правую ноженьку... не тронь, погоди!

Умираю.

– Что ты, в самом деле, старуха! Как я тебя тут не трону? Лежишь на видном месте и орёшь, ну ин в уголок вон отползи, коли исправду что у тебя.

– Никифорыч, смерть моя пришла! Отвёз бы ты меня домой!

– Возись с вами, черти мохнатые! Извозчик!

Через несколько минут они оба уже ехали на извозчике. Бабушка Акулина сидела внизу пролётки и охала, а Никифорыч, мрачно насупившись, поддерживал её голову и уговаривал старуху:

– Эй, чёртова перечница! Будет уж... не скули!..

– Больно, голубчик.

– А кто виноват?

– О-ой! И деньги просыпала. Всё, старая шкура, потеряла.

– Какие такие?

– Милостыню... семь копеек!

– Эка сумма! Ф-ф! – фыркнул Никифорыч в свои рыжие усы.

– Да ведь, ми-иный! у меня народ на руках... Всякая кроха в дело идёт. Ой! вели ты извозчику-то потише ехать!

– Ты! – внезапно озлился Никифорыч, по-видимому, без всякой причины. – Деревня чёртова! Аль не понимаешь, что больную везёшь? Пошёл ровней.

Он смерил спину извозчика суровыми глазами и продолжал говорить старухе уже более мягко, чем раньше:

– Народ на руках. Очень ты глупая старуха. И что тебе дался этот народ? На-арод! Рвань разная, жульё, да девки, а она народ! Дура ты, старуха, вот что, и вредная дура, – потому портишь людей... Без тебя они, глядишь, работали бы, а ты их пичкаешь... Они рады, – бабушка Акулина, бабушка Акулина! – а сами верхом на бабушкиной шее катаются. Черти! Пороть бы их!

Да и тебя заодно с ними, не балуй народ. Н-да! Эй! ты... святая душа на костылях! Уснула ты? а?..

Но бабушка Акулина, откинув голову на колено полицейского, лежала неподвижно и не отвечала ни слова. Её лицо посинело, беззубый рот был полуоткрыт, глаза ввалились, и из-под сбитой с головы рваной серой шали выбились пряди полуседых волос, ещё густых и волнистых.

«А она, должно, и впрямь расшиблась...» – догадался Никифорыч, пристально посмотрев на неё. – А может, она это умерла? – вслух сказал он, обращаясь к извозчику.

Тот через плечо окинул нищую взглядом и кратко ответил:

– А бог её знает! Кажись бы, нету ещё.

– Верно, тепла потому. Всё-таки, пожалуй, её надо в больницу свезть.

– Н-ну! – сказал извозчик, – до дому-то ближе. Вон он, чай!

Никифорыч ничего не сказал. Извозчик поторопил лошадь:

– Ну ты! Плесень...

Бабушку Акулину привезли домой.

Не считая бабушку, лежавшую кверху лицом на примостках из досок, в маленькой, сырой и тёмной комнате подвального этажа народа было человек восемь: Адвокат – сивый и рванный мужчина, лет под пятьдесят, с опухшим от пьянства лицом, – сидел на столе; рядом с ним помещалась Марька Прощельга, его сожительница, полная женщина с серыми тупыми глазами, полуидиотка, которую все, кому было не лень, колотили шутки ради, на что она никогда не обижалась, но чем всегда бывала изумлена, круглыми глазами осматривая шутника, только что кончившего мять ей шею или щупать ребра. На полу сидели четверо: семнадцатилетний Ярлык, уже трижды судившийся за кражи; его учитель Мамочка, сухой и длинный оборванец с совиными круглыми зелёными глазами, в рваном халате; Петр Исаич Бух, человек, с неделю тому назад только что отбывший три месяца тюремного заключения за растрату денег у своего хозяина, представительный молодой человек в бороде и усах, с бледным нервным лицом, и Настенька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.